

яве» (232), «не видал, не слышал бесов ни во сне, ни на яве» (234). В соответствии с житийной традицией он неизменно фиксирует стереотипными формулами момент засыпания перед описанием видения: «и абие сведохся в сон», «и абие сведохся в сон тонок» (234 и 236), «найде на мя яко сон» (249), «найде на мя сон мал» (255). Так же фиксируется и момент пробуждения: «Аз же возбнухся, яко от сна» (235), «возбнух, яко от сна» (253), «убудихся, яко от сна» (257). Но автор усложняет это традиционное описание пробуждения, отмечая, что оно хранит еще ощущения, пережитые во сне: «... и того у меня труда было много над бесом... Аз же... яко от сна воспрянул, зело устал, умучился беса биуще» (237).

Момент перехода ко сну обставляется мотивировкой либо внешней, либо психологической. Внешняя мотивировка выражается следующими постоянно повторяемыми формулами: «и утомяся довольно, возлег опочинути» (232), «возлегшу ми опочинути от труда» (234), «от труда рукодельнаго и правильнаго возлег на одре мсем опочинути» (236), «по обычаю моему после правила... возлег на одр мой опочинути» (245), «возлегшу ми опочинути от трудов на одре моем» (244), «делаю аз кресты те прилежно и утомляюся... и возлягу опочинути на одре моем» (261). Подобная мотивировка восходит к житийной традиции. Например, Евфросин Псковский «возлегшу на земли, хотя мало опочити от трудов, а абие в тонок сон предложися». Старец Герман молил Ефросина об исцелении и «возлег почити мало на одре своем, и... от лютыя тоя болезни в тонок сон прииде».³⁸ Последний пример содержит уже основу для психологической мотивировки подобного сна, которая разрабатывается Епифанием. Он сообщает о том, что переходит ко сну в результате не только физических, но и душевных страданий: «... от печали тоя великия возлег опочинути в кельи» (237), «от болезни и от тоски горькие, и печали великия... возлег на печи» (250), «И от печали моя великия найде на мя сон» (235).

Житийная литература обычно только констатировала то обстоятельство, что видения приходят к подвижнику в «тонком сне», но не могла углубить характеристику этого явления. Отправляясь от этой же констатации, Епифаний старается тщательно проанализировать и автобиографически запечатлеть свои конкретные состояния, которые сопровождают его переход ко сну и от сна к деятельности, как постепенно возникающие и исчезающие условия для общения с потусторонними силами. После работы по изготовлению крестов, рассказывает автор, «возлягу опочинути... и усну, и егда первой сон отидет от мене, аз же лежу на одре моем уже не спя, тогда ми чудные гласы бывають» (261). Так очень тонко и реально отражается момент начала сновидений, наступающий после «первого сна» утомленного человека. В сознании автора это момент как бы внутреннего пробуждения и начала общения с небесными силами, которые повелевают ему в данном случае вновь «встати и делати кресты». При этом по традиции является «юноша некий» (ангел), который, однако, выступает в своеобразной функции: он подготавливает обратный переход автора от видения к реальности. «Юноша» начинает говорить молитву, автор же завершает ее и встает: «аз же реку „аминь“ и востану». После такого ангельского напутствия его работа подвигается успешно. Следуя своему методу антитезы, Епифаний считает нужным изложить и те обстоятельства, при которых работа его не ладится. Объяснение его по содержанию традиционно, но оно вводит иной вариант описания процесса «тонкого сна». Это описание также вполне реально, причем оно снимает первоначальное утверждение автора, что он общался с «юношей» будто бы «уже не спя»:

³⁸ Повесть о Евфросине Псковском, стр. 69, 109.